

45	Скуловая ширина	137.5	133.1	131.2	133.5	134.5	132.0
48	Верхняя высота лица	66.3	70.9	71.0	71.2	68.8	70.7
55	Высота носа	46.5	51.9	50.7	51.2	50.3	52.1
54	Ширина носа	23.8	25.0	24.5	24.8	25.5	25.5
51	Ширина орбиты	41.4	43.0	42.2	41.6	41.6	42.6
52	Высота орбиты	29.7	33.2	32.9	33.0	32.0	32.9
77	Назоярный угол	140.2	138.5	135.9	141.5	142.4	140.1
zm	Зигамаксиллярный угол	128.5	126.0	123.5	126.5	127.7	125.8
SS:SC	Симотический указатель	43.1	49.9	51.4	45.8	45.3	46.8
75 (1)	Угол выступающего носа	32.5	30.1	31.9	28.8	30.2	27.8

В.А. Кисель, С.В. Хаврин

«СТРАННЫЙ» КУРГАН ВАВИЛИНСКОГО ЗАТОНА В ТУВЕ

Вавилинский Затон, расположенный на правом берегу Бий-Хема (Большой Енисей) в Кызылском кожууне Республики Тыва, уже более трех десятков лет планомерно исследуется петербургскими археологами. Здесь в степной части находится разрушающийся курганный некрополь. Основная его часть относится к скифскому времени и датируется VI–III веками до н.э.

Летом 2011 г. Тувинская археолого-этнографическая экспедиция МАЭ РАН включила в число намеченных для раскопок погребальных сооружений одиночный курган, размещавшийся недалеко от обрыва надпойменной террасы (работы проводились при финансовой поддержке фонда «Контекст»). Согласно топографическому плану, объект числился под номером 40 могильника Догээ-Баары 2.

Сразу стало ясно, что экспедиция столкнулась с нетипичным для Затона памятником. Если насыпи большинства курганов были возведены из скальных обломков, плит и валунов, то это сооружение состояло из крупных галек и мелких плит. До начала раскопок оно вообще напоминало обыкновенный холм из незадернованного галечного слоя, правда, почти правильной круглой формы диаметром около 15 м и высотой 20–30 см. В 2005 г. экспедицией был раскопан курган X–XI веков н.э., тоже большей частью состоявший из крупной гальки, однако он имел значительную высоту — около 60 см.

Смущало и само расположение памятника. Он был возведен близ берега Бий-Хема, в месте, где мощный галечный слой едва перекрывается гумусом. Это могло указывать на захоронение, совершенное на древней поверхности или в неглубокой яме. Такой обряд не был характерен для скифских курганов, в которых могилы достигают глубины 2–4 м. Погребения на уровне древнего горизонта были встречены на Затоне только дважды: под курганом эпохи бронзы и в уже упомянутом средневековом памятнике. Оба эти объекта оказались уникальными и, подобно кургану 40, находились в некотором отдалении от основных скоплений погребальных сооружений.

Начавшиеся раскопки сразу показали, что насыпь сильно пострадала. Часть камней некогда была изъята, возможно, для возведения других памятников. Важной конструктивной особенностью кургана явилось кольцо, аккуратно сложенное из продолговатых валунов, направленных к центру одной из узких сторон. Нельзя исключить, что первоначально в кольце было два слоя валунов, но к моменту раскопок верхний слой развалился.

В южной части кольца три валуна были уложены широкими сторонами к центру. Возможно, они маркировали, а вернее «запирали», вход на огороженную сакральную площадь.

Несмотря на значительные разрушения, в северной части насыпи удалось зафиксировать первоначальное расположение мелких плит. Некогда они, установленные под углом к валунам, оконтуривали курган.

Разборка насыпи привела к новым неожиданностям. Многие крупные гальки оказались закопчены снизу, а часть вообще расколота из-за

воздействия высокой температуры. Такое могло произойти, если насыпь возводилась поверх одного большого костра или нескольких малых костров, пока огонь еще не успел погаснуть. При этом ни один валун не был обожжен.

Приблизительно в центре кольца с небольшим смещением к востоку находилось погребение мужчины 40–50 лет вместе с парой лошадей. Скелеты располагались на небольшой грунтовой площадке толщиной 10–15 см. Человек был уложен головой на северо-запад. Лошади размещались юго-восточнее погребенного сразу за его ногами параллельно друг другу, головами в том же северо-западном направлении. Костяки человека и одной из лошадей были нарушены грабителями. Однако по оставшимся неповрежденным костям удалось заключить, что человек лежал на левом боку с сильно согнутыми в коленях ногами, а лошади располагались на животе с подогнутыми ногами.

Вокруг погребения размещалась деревянная конструкция, состоявшая из бревенчатых клеток, расходящихся от центра в форме креста по осям СВ — ЮЗ и СЗ — ЮВ (рис. 1). Впрочем, судя по некоторым остаткам бревен, конструкция могла представлять и восьмиугольник. Все бревна были обуглены, хотя сердцевина их не пострадала. Это указывает на интенсивное, но непродолжительное горение. Вероятно, основным топливом для погребального костра послужили хворост и сухая трава (они сгорают без остатка), наваленные поверх бревен.

Возвывает интерес то, что костяки почти не были обожжены. Воздействию огня подверглось только несколько костей одного лошадиного скелета. Очевидно, захоронение во время горения костра было укрыто небольшим слоем земли.

Рис. 1. Курган 40 могильника Догээ-Баары 2 после раскопок
(фото В.А. Киселя)

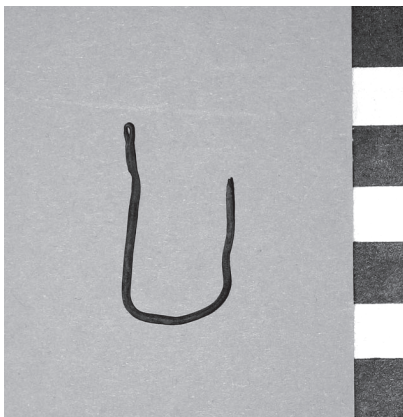

Рис. 2. Игла-крючок из кургана 40 могильника Догээ-Баары 2 (фото В.А. Киселя)

Рис. 3. Игла-крючок из кургана 40 могильника Догээ-Баары 2. Фрагмент (фото В.А. Киселя)

В северо-западной части кургана между бревнами и кольцом было обнаружено отдельное небольшое кострище с костями мелкого рогатого скота.

Практически никакого сопроводительного инвентаря в захоронении не оказалось, за исключением металлической иглы, найденной в районе таза погребенного (рис. 2). Игла, изготовленная из медной проволоки, была согнута в виде прямоугольного крючка или скобки. Предмет имел острие и петельку, которую мастер сделал, расплющив стержень возле окончания, свернув в трубку и заправив оставшийся конец внутрь (рис. 3).

Последовательность сооружения погребального памятника можно представить следующим образом. Первым этапом стало возведение каменного кольца и устройство в центре него площадки из земли. Возможно, в это же время у северо-западной части кольца был разожжен костер, в который бросили часть туши жертвенного козла или барана. Затем было совершено погребение: на центральную площадку уложили покойного с парой сопроводительных лошадей и засыпали землей. Вокруг устроили многоугольную бревенчатую конструкцию-клеть, обложив ее хворостом и сухой травой. Немного позднее конструкцию подожгли и, не дожидаясь полного прогорания, закидали крупной галькой.

Реконструируемый обряд не находит точных подобий ни в одном из известных археологических памятников Тувы. Наиболее необычной чертой является разведение костра вокруг покойного с предохранением

трупа от воздействия огня. Нечто подобное фиксировалось в курганах Вавилинского Затона III–II века до н.э. [Кисель 2010]. Но в них погребенные всегда находились в срубках, помещенных в большие глубокие ямы.

Костяки сопроводительных лошадей встречались в Туве обычно в средневековых и этнографических погребениях. В более раннее время (скифский, гунно-сарматский периоды) лошадей захоранивали с покойными только в единичных случаях, когда умершие обладали исключительно высоким социальным статусом.

Деревянная конструкция в виде клетей-ячеек, расходящихся от центра памятника, имеет аналогию в древнекочевническом кургане Аржан 1, который относится к рубежу IX–VIII — VIII в. до н.э.¹ У него также имелось каменное кольцо (правда, его представляла массивная стена, сложенная из плит), захоронения лошадей находились с восточной стороны, погребения людей располагались на уровне древней поверхности, причем на левом боку головой на северо-запад [Грязнов 1980; Савинов 2002: 37–51].

Аржан 1 в отличие от кургана 40 помимо громадных размеров обладал важными индивидуальными признаками: клетки расходились от центра не диаметрально, а более дробно — радиально, присутствовало перекрытие из бревен, деревянные конструкции не подвергались воздействию огня², центральное погребение было дополнительно обложено плитами, наличествовал богатый сопроводительный инвентарь. Безусловно, Аржан 1 продемонстрировал усложненный, более развитый погребальный обряд, чем курган 40.

На относительную близость обоих памятников указывает единственная найденная в кургане 40 вещь — игла. Рентгено-флюоресцентный анализ, проведенный одним из авторов в лаборатории Гос. Эрмитажа, показал, что предмет был изготовлен из мышьяковистой меди:

Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Ni	Fe
Основа	1–2 %	–	~1 %	–	<0,3 %	Следы	0,3 %

В аржанских находках преобладали вещи из того же материала [Пяткин 1983: 85–87; Хаврин 2003: 171–173].

¹ Теперь, после раскопок в Туве в 2000–2003 гг. нового «царского» кургана второй половины VII в. до н.э. Аржана 2 [Аржан 2004], объект, исследованный первым, получил наименование Аржан 1.

² Правда, один из авторов раскопок Аржана 1 — М.П. Грязнов — отмечал следы горения на бревнах, но счел это результатом действий грабителей [Грязнов 1980: 6].

Конструктивное сходство кургана 40 и Аржана 1 находит параллели в памятниках Южного Урала. Так, ряд общих черт (кольцевидная ограда, деревянные клетки, сопроводительные захоронения лошадей, скорченное положение погребенных на левом боку) сопоставим с синташтинской культурой 2 тысячелетия до н.э. [Савинов 1994: 170–172]. Кроме того, мышьяковистая медь для представителей этой культуры являлась традиционным сырьем [Дегтярева 2010: 68].

Важной особенностью кургана 40 является парное захоронение лошадей. Подобная традиция известна в культурах эпохи бронзы Поволжья, Южного Урала, Казахстана, Греции, Кипра, Крита, а в железном веке встречается на протяжении всей истории кочевых народов. Обряд, при котором две умерщвленные лошади укладывались на глиняные площадки головами на запад, зафиксирован на Южном Урале (синташтинская культура), в Казахстане (петровская и алакульская культуры) и Поволжье (памятники покровского типа) во 2 тысячелетии до н.э. Часто в такие захоронения помещались сбруя и остатки колесниц.

На западные связи кургана 40 указывает и облик иглы. Внешне сходные предметы в виде прямоугольного крючка или скобки встречены в памятниках эпохи бронзы Поволжья и Южного Урала (синташтинская, абашевская, турбинская культуры). Именно у этих вещей имеются раскованные окончания с «петлей, загнутой вовнутрь» [Кузьмина 2000: 95]³. Расплющенные окончания, свернутые в трубку, встречаются у булавок Центральной Европы того же времени [Сафронов 1968: 119, прил. I, рис. 5, 8–10]. Возможно, у крючков-скобок и булавок был общий прототип.

Неместные корни похоронного обряда кургана 40 становятся очевидными при сравнении его с памятниками Тувы. Разительные отличия объекта с погребальными сооружениями скифского времени отмечались выше. В эпоху же бронзы в Туве были распространены памятники монгун-тайгинской культуры. Монгун-тайгинские погребения совершались под каменными насыпями в неглубоких узких ямах, камерах из валунов и цистах из плит. Погребенные, как правило, не имели сопроводительного инвентаря. Они часто располагались на уровне древней поверхности на левом боку со слегка согнутыми ногами [Чугунов 1994: 51]. В монгун-тайгинской культуре не известно захоронений с лошадьми.

Несмотря на редкий, специфический набор отличительных черт кургана 40, в Саяно-Алтайском регионе все же можно выявить памятни-

³ О.В. Кузьмина считает, что крючки малых размеров служили амулетами [Кузьмина 2000: 95].

ки, наряду с Аржаном 1, сопоставимые с ним. На могильнике Хондей в Туве один из курганов имел каменное кольцо с входом с восточной стороны, а погребенный, уложенный на древнюю поверхность, был помещен в клеть [Савинов 2002: 55]. Подобные захоронения, хотя в большинстве сильно поврежденные, отмечались на могильниках Суглуг-Хем 1, Сыпучий Яр, Копту-Аксы, Хадынных II. На могильниках Аймырлыг 25 и Эйлиг-Хем зафиксировано сочетание каменных колец с плиточной цистой и валунной камерой, в которых находились останки лошадей [Семенов 2000: 148].

В Горном Алтае подобием кургану 40 выступают памятники бийкенской культуры. Примером служит курган могильника Ак-Алаха II, в котором на уровне древней поверхности были обнаружены костяки людей и лошадей, обнесенные четырехугольной оградой, заключенной в каменное кольцо. Сопроводительный инвентарь типологически соответствовал находкам из Аржана 1. В этом же регионе в могильнике Курту II было обнаружено захоронение человека с лошастью. Лошадь размещалась южнее погребенного в отдельной выкладке. Найденные в захоронении роговые псалии принадлежали к «аржанскому» типу [Савинов 2002: 56]. Привлекает особое внимание, что захоронения лошадей в бийкенской культуре обычно располагались тоже к востоку от погребения человека [Чугунов 2009: 348].

Достаточно близок кургану 40 памятник из могильника Баданка IV, расположенный в соседней с Аржаном 1 Усинской долине Красноярского края. Этот объект имел насыпь из гравия и гальки, кольцевую ограду из валунов и захоронение человека с лошастью. Погребенный был уложен на уровне древней поверхности на левый бок. Правда, головы человека и животного были направлены на юго-запад. Захоронение лошади располагалось юго-восточнее человеческого погребения. Вблизи погребения в западной части кургана размещались два костра. От ограбления уцелели детали узды, сделанные из клыков кабана и когтя медведя, которые находят параллели, с одной стороны, в аржанских находках, а с другой — в казахстанских изделиях эпохи поздней бронзы. Этот факт позволил автору раскопок Н.А. Боковенко датировать курган предаржанским временем и отнести его к «скрытому» (из-за невыразительности и недостатка материалов) этапу начального периода формирования всаднического комплекса и погребального обряда [Боковенко 1994: 43–44; он же 1995: 85–89].

Пожалуй, следует согласиться с предположением Н.А. Боковенко. Отнесение кургана 40 к «скрытому» этапу эпохи древних кочевников проявляется в первую очередь благодаря парному захоронению лоша-

дей. Исследования Д.Г. Здановича и Е.В. Куприяновой показали, что в памятниках эпохи бронзы пары лошадей, уложенные на древнюю поверхность, сопровождали погребения людей в ямах, что разительно отличается от ситуации кургана 40. Более того, парные захоронения лошадей эпохи бронзы тесно связаны с колесничной символикой [Зданович, Куприянова 2008: 189–192]. Однако никаких намеков на колесницу в памятнике Вавилинского Затона не выявлено.

Логично предположить, что в этом случае пара животных представляла собой не упряжных лошадей, а приспособленных для верховой езды, походных, сменных коней. Судя по датировке иглы, можно заключить, что курган 40 зафиксировал начальный период использования лошади под верх, а также отразил появление в саяно-алтайском регионе представителей всаднической культуры.

На основе проведенного анализа следует предположить, что «странный» курган Вавилинского Затона продемонстрировал новый для Тувы обряд, привнесенный мигрантами с Запада. Эти пришельцы, представлявшие собой всаднические коллективы, вышли из культур эпохи бронзы Поволжья, Южного Урала и Казахстана. Освоив верховую езду, они отказались от колесниц и создали новый, «мобильный» обряд погребения, при котором покойного не закапывали в могильную яму, а укладывали на поверхности земли [Боковенко 1994: 44]. Малое количество оставленных ими памятников указывает не на массовое переселение, а на дальние походы небольших коллективов (подобно скифским «экспедициям» VII–VI веков до н.э.). Проникновение носителей новых традиций на территорию Саяно-Алтая, вероятно, относится ко второй половине (третьей четверти?) 2 тысячелетия до н.э. — времени возведения кургана 40⁴.

Благодарности: Авторы выражают признательность О.Б. Варламову, принявшему активное участие в раскопках кургана, Е.Н. Учаневой, сделавшей антропологическое заключение, а также К.В. Чугунову и В.А. Семенову, давшим ценные консультации по поводу атрибуции памятника.

Библиография

Аржан. Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004.

⁴ Разумеется, предложенная дата является предварительной. Подтвердить или опровергнуть ее должны результаты радиоуглеродного анализа, ожидаемые в скором будущем.

Боковенко Н.А. Проблема генезиса погребального обряда раннекочевнической знати Центральной Азии // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 41–48.

Боковенко Н.А. Новый памятник аржанского этапа в центре Азии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. 1995. Вып. 24. С. 85–90.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

Десярева А.Д. Морфология и технология изготовления украшений синташтинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1. С. 59–70.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Парные жертвоприношения лошадей в бронзовом веке Центральной Евразии: археология, мифология и ритуал // Происхождение и распространение колесничества. Луганск, 2008. С. 188–197.

Кисель В.А. Закат скифской эпохи в Туве: единство и противоборство культур // Новые исследования Тувы: Электронный информационный журнал. 2010. № 1: http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Археологические изыскания. 2000. Вып. 63. С. 5–134.

Пяткин Б.Н. Результаты спектрального анализа бронз из кургана Аржан // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 84–96.

Савинов Д.Г. Синташта и Аржан // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 170–175.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.

Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Абсолютная хронология эреолита и бронзового века Восточной Европы (Юго-Запад СССР) // Проблемы археологии. 1968. Вып. I. С. 75–128.

Семенов Вл.А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мироззрение. Археология. Ритуал. Культура: Сборник статей к 60-летию М.Л. Подольского. СПб., 2000. С. 134–157.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 171–173.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.

Чугунов К.В. Саяно-Алтай в начале эпохи ранних кочевников: перспективы комплексного анализ // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 347–349.